

Роман Афанасьев

ВСЕ КОРАБЛИ
♦ АСТРАЛА ♦

ЖАН
РЬ
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А 94

Оформление серии: *Василий Половцев*

Разработка внутреннего оформления: *Ирина Гришина*

Серия «Аллоды» издается с 2014 года

(<http://allods.ru>)

Афанасьев, Роман Сергеевич.

А 94 Аллоды. Все корабли Астрала : [фантастический роман] / Роман Афанасьев. — Москва : АСТ, 2014. — 384 с. — (Аллоды).

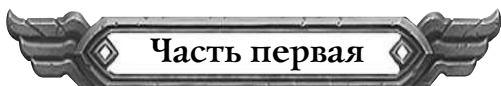
ISBN 978-5-17-084885-0

Охотник Гордей, явившийся из деревни в большой город, не предполагал, что на его долю выпадут такие приключения. Наемные убийцы, заговор магов, шпионы врага, полеты на астральных кораблях и самоубийственная операция по освобождению пленников из лап темных сил! Кажется, из такого переплета никто не выберется живым. Но Гордею все нипочем, ведь рядом верные друзья — эльфийский бард Винсент и мхнатый гибберлинг Эрик, скорый и на язык, и на драку. С такой командой любое приключение по плечу, особенно если у дружной компании есть самый большой секрет гибберлингов — астральный корабль.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-084885-0

© Мэйл Ру Геймз
© Р. Афанасьев
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Часть первая

СТОЛЬНЫЙ ГРАД НОВОГРАД

1

Короткий путь — не всегда самый быстрый. Мудрость этого высказывания Гордей оценил ближе к вечеру, когда стало ясно, что до Новограда не удастся дойти засветло.

Утром, под лучами ясного солнышка, идея обойти стороной проезжий тракт и пройти к Новограду напрямую, через холмы, казалась весьма здравой. В самом деле, ну разве это дело — целый день плестись позади телег, глотая пыль и толкаясь среди подозрительных личностей. Гораздо веселее будет свернуть в холмы, пройти сквозь густой лес напрямик, по темным тропкам, слушая пение птиц и возню крупного зверя в кустах. Это было бы здорово! Почти как дома. Ну, Гордей и свернул.

Весенние дожди размыли лесную тропику, ведущую к столице всей Кании, превратив ее в непролазную топь, отвратительно чавкающую под ногами. Тихо ругнувшись, Гордей вытащил ногу из лужи и, хлюпая грязью, побрел в гущу леса, туда, где землю устилали опавшие листья и старые ветки. Выбравшись на сухое место, двинулся вдоль тропинки, проламыва-

ясь сквозь кусты лещины и обходя стороной высокие березы. Очень медленно, но, по крайней мере, ноги, давно уже промокшие, не вязнут в грязи.

Уворачиваясь от веток, Гордей мрачно размышлял о том, что до столицы он доберется не раньше завтрашнего утра. И будет выглядеть при этом как свинья, хорошенько повалявшаяся в деревенской луже. Хорошее начало новой жизни, что уж тут скажешь! Отец смеялся бы до колик.

Отец. Это еще полбеды! А вот Веста... Последний год и не замечала старого друга по играм, хотя раньше были неразлейвода. Крепкая высокая девчонка, дочь шорника, всегда была готова погонять взапуски с мальчишками, погонять мяч, соорудить шалаш. А теперь — выросла. Конечно, куда там, вымахала, каланча, замуж пора. Все посматривает тайком, а как подойдешь — сразу осмеет с ног до головы. Ехидная, острая на язык, высокая, стройная... Все героем дразнится, мол, где твои подвиги, великий воин? Не всю еще крапиву палкой порубал? Ну, это ничего, это мы еще посмотрим, кто тут герой! Все, больше не думаем о ней. Надоела.

Раздраженно отмахнувшись от ветки, ткнувшейся в щеку, Гордей зашагал вперед. Ну конечно, отцу не понравилась идея сына покинуть родную деревню и отправиться в Новоград. Нет, он не ругался, не кричал. Как всегда — даже голоса не повысил. Но высмеял Гордея по полной. Хорошо хоть никто не слышал. Да и кто услышит в глухом лесу, там, где бродят только охотники за крупной дичью, что бьют стрелой оленя, острой рыбу, а копьём — кабана.

Гордей, едва научившись держаться на ногах, уже знал лесную округу как свои пять пальцев. Велес Ве-

тров — его отец — был самым лучшим охотником деревни Травушки. Был он уже не молод, но дело свое знал туго и до седых волос оставался главным добытчиком деревни. Гордей восхищался веселым и улыбчивым отцом, огромным, сильным, но при этом ласковым с детьми и дворовой живностью. Лет так примерно до шестнадцати. А потом, после смерти матери от зимней лихорадки, перестал.

Отец не стал другим, он остался прежним — пусть не таким веселым, как раньше, но все еще мягким и смешливым. Другим стал Гордей. Он начал задумываться о будущем, о том, как меняется его жизнь. И чем больше он думал, тем яснее понимал, что не видит себя в родной деревне лет так через пять. Все стало его раздражать. Старые друзья казались глуповатыми и навязчивыми, окрестные леса — до тошноты скучными, местные девчонки — жадными. Только зазевайся — окрутят вмиг. Моргнуть не успеешь — у тебя свой дом, куча детишек и толстая улыбчивая баба на руках. Вот Веста, конечно, другое дело, но язык у нее, как жало у пчелы. Тьфу, да что такое! Больше никаких Вест! Сам решил — сам пошел. И никто ему, Гордею, не указ!

А куда деваться пареньку, выросшему в лесу, приученному к охоте да заготовке? В соседнюю деревню — да там все так же, только рожи другие. В городок Ельмень, что за время холмами? И что там делать — скот не пасут, не охотятся, заняты своими городскими делами, кому там деревенская оглобля нужна? Горшки срамные выносить за горожанами? Нет, нужно было смотреть дальше, заглядывать за горы и реки, желать большего. Ждать и надеяться, что однажды придет и твой черед.

Так Гордей и ждал своего часа, пока не стукнуло ему шестнадцать весен. Утром встал, попрощался с отцом, взял заранее приготовленный узелок с вещами да был таков. Отправился в столицу, в большой город Новоград, потому как там самая жизнь. Это ведь столица! Не комар чихнул.

О визите в Новоград молодой охотник мечтал с того самого мига, как услышал рассказ отца о том, как устроен мир. Узнав, что все они живут на огромном острове, что плавает в великой пустоте, прозываемой астралом, Гордей сначала испугался. Было ему тогда лет пять, но он уже знал, что астрал — слово плохое. Это то, что окружает острова, населенные людьми, то, что в любой момент может поглотить землю и все живое на ней. Когда-то мир был един и в любое место можно было просто дойти. Но потом случился Катаклизм — великая магическая катастрофа, в результате которой мир раскололся на множество островов, которые стали называть аллодами. Эти острова остались плавать посреди магической субстанции — астрала — которую, по легендам, сами боги использовали для сотворения всего сущего. Мир должен был сгинуть, раствориться в астрале, но этому не позволили случиться Великие Маги. Каждый из магов своей волшебной силой мог остановить наступление астрала, защитить от него землю. И потому, когда случился Катаклизм, вокруг башен Великих Магов земля уцелела, превратившись в острова. Так и возникли аллоды — земли, разделенные астралом.

Но связи между аллодами сохранились. С помощью магии люди могли перемещаться с острова на остров. Сохранились и государства — вот, например, родная Кания! Великая страна. В нее входит несколько остро-

вов-аллодов. Но главный — Кватох, родина Гордея. А Новоград — столица не только аллода, но и всей Кании. Самый главный город страны! Конечно, молодому охотнику страсть как хотелось туда попасть.

Там любой пригодится, для любого дела. И в обучение можно подрядиться, и на работу, и своим умом прожить. Все там так, как рассказывают заезжие торговцы. Обо всем этом Гордей захлеб рассказал отцу, выложил как на духу. А он — не ругал. Хмурился, мял в руках кожаный пояс, словно собирался выдрать нерадивое чадо, но не ругал. Вздохнул потом, обнял на прощанье и отвернулся к стене, так и не сказав ни слова. А Гордей отворил дверь и вышел.

Под ногами хлюпнуло. Гордей, задумавшийся о былых днях, за дорогой не уследил, — влетел обеими ногами в лужу, притаившуюся в темноте под кустами. Сердито выбранившись, молодой охотник шарахнулся в сторону, выбрался на сухой островок под корявой елкой и остановился.

Надвигалась ночь. Над вершинами огромных деревьев, в черной пустоте, пылали огоньки звезд. Темнота опустилась на лес тугим покрывалом, запуталась в ветвях и листьях, придавила к земле остатки света и тепла.

Тяжело вздохнув, Гордей бросил взгляд вперед, в просвет между деревьями. Впереди, там, за холмами, скрывался Новоград. Отсюда даже было видно его огни — из-за холмов поднималось светлое зарево от бесчисленных светильников и костров. Если бы не собственная дурость, Гордей сейчас бы уже подыскивал себе ночлег на окраинах столицы. Вот не захотел идти как все, в ногу с обозом, кушай теперь свою гордость, не обляпайся. Хотел напрямую, а вышло — по

кривой. Конечно, если упереться рогом, ползти всю ночь по грязной лесной тропинке, то к утру, возможно, он выйдет к Новограду. Усталый, сонный, грязный как свинья.

Сплюнув с досады, Гордей быстро огляделся, пытаюсь найти местечко для ночлега, и желательно посуше. Ничего, не в первый раз в лесу ночует, бывало время, неделями с отцом из леса не вылезали. Сглупил, с кем не бывает. Оставим Новоград на завтра. Утром, поди, и веселее в городе, и народ подороже. В самом деле, в лесу ночью даже лучше. И за постой платить не надо, и чужаков можно не опасаться — особенно всякого ворья, как в той таверне в Ельмене.

Утешая сам себя, Гордей быстро утоптал меж корней елки палую листву, да набросал сверху еще одну охапку. Чего далеко ходить — тут прямо и сухо, и от тропинки недалеко. Сел, снял растоптанные сапоги из кабаньей кожи, которые ему справил в прошлом году отец, и насухо вытер промокшие ноги. Огня решил не разжигать — тепло на улице, не зима.

Завернувшись в толстое колючее одеяло, Гордей тщательно укутал босые ноги, устроился поудобней на своей лежанке, закрыл глаза и тут же засопел в согнутый локоть. Уснул он сразу, даже не успев помечтать о том, как устроит свою жизнь в Новограде.

2

Проснулся Гордей сразу, мгновенно перенесся из чудесного сна о поющей радуге в ночной промозглый лес. Широко распахнув глаза, он бесшумно сел и прислушался — не почудилось ли?

Нет, не почудилось. На тропинке, ведущей на холм, шуршали мокрые ветви лещины, словно сквозь них продиралось стадо кабанов. Гордей подобрал под себя ноги, взял в руку охотничий нож и привстал, напряженно вслушиваясь в ночь. Если это в самом деле кабаны, то будет разумнее убраться с их дороги. Но сейчас ночь, и... И это не животные.

Человеческие голоса были тихими, но вполне явными. Гордей не разбирал слов, но голоса зудели и зудели, словно их обладатели спорили. Они не приближались — судя по хрусту сучьев, какая-то компания остановилась в лесу недалеко от тропинки, чтобы переждать ночь в лесу, и теперь весьма шумно готовилась к ночевке.

Расслабившись, Гордей выпустил нож и сел на одеяло. Видать, тоже путники, застигнутые врасплох ночью и вынужденные заночевать в лесу. Правда, шли они скорее из Новограда, ведь если бы они шли следом за Гордеем, он бы их услышал. Странно.

Стараясь успокоиться, Гордей лег обратно на лежанку, набросил на себя одеяло. Но сон не шел. Молодой охотник так и лежал, вслушиваясь в ночные шорохи и далекий гул голосов. Вскоре из ночи повеяло дымом — беспокойные соседи, судя по всему, пытались разложить костер. Из сырых сучьев. В насквозь промокшем лесу.

Ухмыльнувшись, Гордей перевернулся на другой бок и закрыл глаза, пытаясь уснуть. Но дым костра, расплывшийся по лесу, напомнил ему о пустом, как пересохший колодец, желудке. Захотелось есть — так остро и внезапно, что охотник резко сел и жадно втянул носом ночной воздух, терпко пахнувший горелым деревом.

Последний раз он ел прошлым утром — так, перекусил свежим хлебом в придорожном трактире, где останавливался попутный обоз. В дорогу ничего брать не стал, думал, что заночует уже в Новограде. И охотиться не стал — пожалел времени, хотя видел в лесу следы зайцев и кабанов. И вот теперь наказание — живот скрутило от голода, а во рту полно слюны от сладкого запаха костра и ароматов жареного мяса.

— Была не была, — пробормотал Гордей себе под нос, нашаривая в темноте свой узелок с вещами. — Не звери — же они какие, люди ведь.

Наскоро добыв из вороха белья сухие портянки, Гордей обмотал ступни и втиснул ноги в еще мокрые сапоги. Остальные вещи покидал на одеяло, смотал его, перехватил ремнями. Собрался.

Поднявшись на ноги, Гордей еще раз втянул носом ароматы жарящегося мяса и двинулся на звуки голосов. Идти сквозь кусты было трудно, но охотник приловчился раздвигать ветви луком со снятой тетивой — как простой палкой.

В ночной тиши голоса раздавались все четче, и Гордей без труда догадался, что лагерь соседей в сотне шагов от него — вверх по тропинке. Туда он и двинулся, гадая на ходу, как лучше представиться, да так, чтобы не напугать путников.

Думал он долго, невольно замедляя шаги, но так ничего и не придумал. Очнулся от раздумий, когда до лагеря было рукой подать — сквозь кусты уже виднелся огонек костра, разложенного в стороне от тропинки. Задумчиво хмыкнув, Гордей почесал кончик носа и двинулся напрямик к костру, через кусты.

Голоса звучали все яснее, теперь можно было разобрать, что разговаривают как минимум пятеро.

Странно они говорили — так, словно рот камнями набит. Вроде все понятно, но слов не разобрать.

Когда до полянки с костром оставалось десяток шагов, Гордей остановился, одернул свою охотничью куртку, пригладил пятерней черные вихры и постарался принять безобидный вид. Это, по словам отца, удавалось ему без труда — ростом он был невелик, в плечах не слишком уж широк. Не богатырь, чего уж там. Лесной охотник.

Следующий шаг Гордей так и не сделал — застыл с поднятой ногой и раскрытым ртом. Голоса у костра зазвучали громче, но охотник не пошевелился, чувствуя, как колотится сердце. Он слышал. Четко и ясно он слышал звук удара и стон боли. Хуже того, в том стоне молодой охотник услышал нотки отчаянья. Это не просто дружеская оплеуха, не ссора за кусок мяса. Ударили кого-то слабого. Намеренно. Жестко.

Голоса звучали все громче и яростней, у костра явно разгорелась ссора. Гордей медленно, не дыша, опустил ногу, присел и тенью скользнул за ближайший куст лещины, как делал это во время охоты. Там, переведя дух, охотник медленно нашарил на груди куртки заветный кармашек и вытащил длинную нить тетивы. Затаив дыхание, охотник в мгновение ока натянул лук и передвинул колчан за спину, так, чтобы можно было рукой нащупать стрелы. Немного поразмыслив, достал одну, взял в ту же руку, что и лук. И лишь потом медленно, осторожно, выполз из-за куста и двинулся вперед — на шум голосов.

До костра оставалось всего ничего — рукой подать. Гордею всего-то и надо было переползти к соседнему раскидистому кусту, чтобы увидеть всю картину цели-

ком. И то, что он увидел сквозь кусты лещины, ему не понравилось.

Их и в самом деле было пятеро. Двое сидели у костра, грея промокшие ноги. Еще трое стояли рядом, отчаянно размахивая руками и о чем-то жарко споря. Выглядели эти ребята вовсе не как купцы. Те двое, что сидели у костра, — сущие разбойники. Здоровенные, крепкие, в ладных черных куртках, поблескивающих металлическими нашивками. И у каждого под рукой меч. Так же выглядел и тот, что стоял на ногах и громче всех кричал на путников, одетых как обычные горожане. Эти выглядели поплотнее — хлипкие, лица открытые, оружия не видно, лишь черные плащи до пят.

Затаив дыхание, Гордей окинул взглядом поляну. Ничего необычного — старое поваленное бревно, обросшее мхом, рядом большой костер, у самого края — ворох пожитков. Сумки, котомки, коробки. Большой сверток вроде заморского ковра, да еще один поменьше.

Внезапно руки у Гордея вспотели, а сердце пустилось вскачь. Глядя на то, как крикуны размахивают руками, он вдруг понял, почему не может разобрать слова. Говорили они на чужом языке, не на канийском. Иноземные купцы? С охраной? С южного порубежья? А может, и вовсе с другого аллода? Очень может быть. Но что им делать здесь, среди ночи, в сыром лесу, когда до Новограда рукой подать?

В замешательстве Гордей сглотнул пересохшим горлом. Что делать? Показать или нет? Вроде как не его это дело — все, что тут происходит. А вроде и тревожно. Кто кричал-то? Может быть, кому-то нужна помощь, может, тут раненый...

Спор у костра внезапно закончился — путник в черном плаще резко взмахнул обеими руками, и все умолкли, как по команде. В наступившей тишине, под треск костра, странный путник бросил короткое слово, потом развернулся и быстро пошел сквозь лес — в сторону Новограда. За ним последовал и второй человек в плаще — быстро и споро, словно ему не впервой было бродить по ночному лесу. Гордей и дух перевести не успел, как на поляне остались только трое громил, напоминавших лесных разбойников.

Тот, что стоял на ногах, выразительно плюнул вслед путникам в плащах, а потом с досадой пнул ногой большой сверток, лежащий у костра. Сверток застонал, и кровь бросилась в лицо Гордею. Ну конечно! Это ведь человек, завернутый в тряпье! Связанный, лежит у костра, а рядом... Молодой охотник невольно сглотнул. Второй сверток был мал — вполовину первого размер. Неужели ребенок?

Сердито засопев, Гордей тронул пальцем тетиву лука и прищурился. Слышал он о таких нелюдях — похитят кого, затащат в лес, а потом выкуп требуют. Разбойники, как есть. Хоть таких душегубов в родных лесах не водилось, но слухи-то по земле ходят, далеко разносятся. Каких только злодеев на свете не бывает.

Словно откликаясь на мысли охотника, большой сверток зашевелился, застонал. Бандиты, сидевшие у костра, глухо заворчали, но их вожак, оставшийся на ногах, цыкнул на них и склонился над пленником. Гордею не было слышно, о чем они говорили, но вожак вдруг снял с пояса большую флягу, склонился еще ниже... И тут же полетел на землю.

Сверток словно взорвался изнутри. Сквозь материю протиснулась одна рука, вторая, блеснул в отбле-